

Старик / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Старик / рассказ СТАРИК

Нежаркое осеннее солнце освещало двор фермы сквозь высокие деревья ограды. Трава, ощипанная коровами, блестела от недавнего дождя, земля была пропитана влагой и, сочно хлюпая, расползалась под ногами; тяжелые ветви яблонь гнулись, роняя светло-зеленые яблоки в темную зелень травы.

Четыре телки, привязанные в ряд, паслись на лугу и время от времени мычали, повернувшись к дому; куры пестрой гурьбой копошились перед конюшней, разгребая навоз и кудахтая; два петуха пели без умолку и разыскивали червяков для своих кур, подзывая их убедительным клохтаньем.

Открылась деревянная калитка; появился крестьянин лет сорока, но сгорбленный и весь в морщинах, как шестидесятилетний; он шел медленно, большими шагами, тяжелыми от увесистых деревянных башмаков, набитых соломой. Длинные не по росту руки висели, как плети.

Как только он подошел к ферме, желтая шавка, привязанная к высокой старой груше, рядом с бочонком, заменявшим конуру, завиляла хвостом и радостно залаяла. Он прикрикнул:

— Молчать, Фино!

Собака умолкла.

Из дома вышла крестьянка. Шерстяная кофта плотно обтягивала ее ширококостную, плоскогрудую фигуру. Из-под серой короткой юбки, не доходившей до щиколоток, видны были ноги в синих чулках и деревянных башмаках, тоже набитых соломой. Застиранный чепец прикрывал реденькие, гладко прилизанные волосы; на черном, худом, некрасивом лице с ввалившимся ртом застыло тупое и угрюмое выражение, какое часто видишь на крестьянских лицах.

Муж спросил:

— Ну, как он?

Жена ответила:

– Господин кюре сказал, что теперь уж конец, он и до утра не протянет.

Оба вошли в дом.

Пройдя через кухню, они очутились в комнате, низкой, мрачной, так как свет едва пробивался сквозь окно, занавешенное лоскутом нормандского ситца. Толстые балки, потемневшие от времени и копоти, пересекали потолок из конца в конец, поддерживая жиденький настил чердака, по которому и ночью и днем сновали стада крыс. Земляной шишковатый пол лоснился от сырости; в углу комнаты смутным пятном белела кровать. Там в потемках умирал старик, отец крестьянки; оттуда доносилось тяжелое дыхание, глухой равномерный хрип со свистом и захлебыванием, напоминающий шум испорченного насоса.

Муж и жена подошли к умирающему и уставились на него покорным, равнодушным взглядом.

Зять сказал:

– Ну, теперь кончено, ему и до утра не дотянуть.

Крестьянка ответила:

– С самого полдня он вот так хрипит.

Они замолчали. Отец лежал с закрытыми глазами; землистое, иссохшее лицо казалось выточенным из дерева. Неровное дыхание с трудом вырывалось из полуоткрытого рта, простыня небеленого полотна приподнималась на груди от каждого вдоха.

После долгого молчания зять произнес:

– Придется ждать, пока не кончится. Ничего не поделаешь. Не знаю только, как теперь быть с сурепкой, погода стоит хорошая, надо бы завтра полоть.

Жену встревожила эта мысль. Подумав немного, она заметила:

– Если он нынче помрет, раньше субботы его хоронить не станут, – значит, для сурепки у тебя весь завтрашний день.

Крестьянин долго раздумывал, потом сказал:

– Так-то оно так, а только завтра надо будет звать на похороны; меньше чем за шесть часов мне не управиться, – пока-то обойдешь всех от Турвиля до Мането.

Жена, подумав минуты две – три, ответила:

– А ты начни сегодня, обойди турвильскую сторону, – успеешь засветло, сейчас только начало третьего. Говори, что он уже

помер, ведь ему и до вечера не прожить.

Муж колебался некоторое время, взвешивая все доводы за и против. Наконец решился.

— Ну что ж, пойду.

Он собрался уходить, потом вернулся и сказал, помявшись:

— Раз тебе нечего делать, натряси яблок, испечешь четыре дюжины пышек для тех, кого позовем на похороны. Надо же будет закусить. На топку возьмешь хворост, что лежит под навесом, возле даильни. Он сухой.

Из комнаты он прошел на кухню, открыл шкаф, достал шестифунтовую ковригу хлеба, осторожно отрезал ломоть, собрал в руку крошки и ссыпал их в рот, чтобы ничего не пропадало даром. Потом зацепил на кончик ножа чуть-чуть соленого масла из глиняного горшка, намазал его на хлеб и стал жевать так же неторопливо, как он делал все.

Он еще раз пересек двор, унял собаку, которая опять залаяла, вышел на дорогу, проходившую мимо фермы, и зашагал по направлению к Турвилю.

Оставшись одна, жена принялась за работу. Она открыла ларь с мукой и замесила тесто для пышек. Месила долго, переваливая с руки на руку, мяла, распластывала. Наконец, скатав большой желтовато-белый шар, положила его на край стола; потом она отправилась за яблоками и, чтобы не повредить веток шестом, залезла на яблоню, приставив к ней лесенку. Она рвала яблоки с разбором, снимая только самые спелые, и складывала их в передник. С дороги ее кто-то окликнул:

— Эй, тетушка Шико!

Она обернулась. Сосед, дядя Озим Фаве, деревенский мэр, ехал в поле на телеге с навозом, свесив ноги через ее край. Она обернулась и ответила:

— Что скажете, дядя Озим?

— Ну, как отец, жив еще?

Она крикнула:

— Да почитай что помер! Хоронить будем в субботу утром, в семь часов, — с сурепкой торопиться надо.

Сосед отозвался:

— Понятно. Всего вам хорошего. Будьте здоровы!

Она ответила так же вежливо:

— Спасибо, и вам того же.

И опять принялась рвать яблоки.

Вернувшись в дом, она прежде всего пошла взглянуть на отца, думая, что он уже умер. Но еще с порога она услышала его однотонный громкий хрип и, даже не подойдя к кровати, чтобы не терять даром времени, начала разделять пышки.

Она завертывала каждое яблоко в тонкий слой теста и раскладывала их рядами на краю стола. Сделав сорок восемь пышек, по дюжине в каждом ряду, она вспомнила, что пора готовить ужин, и повесила над огнем котелок с картошкой; печку она решила сегодня не топить: на приготовления остается еще весь завтрашний день.

Муж вернулся к пяти часам. Едва переступив порог, он спросил:

— Кончился?

Она ответила:

— Нет еще, все хрипит.

Они пошли посмотреть. Старик был все в том же положении. Хриплое дыхание, размеренное, как ход часов, не стало ни быстрее, ни медленнее. Оно слышалось каждую секунду, и только тон слегка менялся, в зависимости от того, входил ли воздух в грудь или выходил из нее.

Зять посмотрел на него, потом сказал:

— Он кончится так, что мы и не заметим, угаснет, как свечка.

Оба ушли в кухню и, не разговаривая, сели за ужин. После супа съели по ломтику хлеба с маслом и, как только была вымыта посуда, вернулись в комнату умирающего.

Жена взяла в руки маленькую лампочку с коптящим фитилем, поднесла ее к лицу старика. Если б не слышалось дыхания, можно было бы подумать, что он умер.

Супружеская кровать стояла на другом конце комнаты, в нише. Они легли, не обменявшись ни единым словом, погасили свет, закрыли глаза, и вскоре разноголосый храп, один густой, другой тоненький, присоединился к непрерывному хрипению умирающего.

Крысы все так же сновали по чердаку.

Муж проснулся, как только начало светать. Тесть был все еще

жив. Шико растолкал жену, встревоженный упорством старика.

– Послушай, Феми, он все не помирает. Что теперь делать?

Он привык с ней советоваться.

Она ответила:

– До вечера он не доживет, это уж верно. Бояться нечего. И мэр, надо думать, разрешит хоронить завтра, ведь уж был такой случай, когда у дяди Ренара помер отец в самый сев.

Убежденный этим веским доводом, муж отправился в поле.

Жена испекла пышки, потом переделала всю работу по дому.

В полдень отец был еще жив. Поденщики, нанятые полоть сурепку, гурьбой пришли поглядеть на старика, который никак не мог помереть. Каждый высказался по этому поводу, и все опять ушли в поле.

В шесть часов, когда люди вернулись с работы, старик все еще дышал. Зять наконец взволновался:

– Что ж теперь делать, как ты думаешь, Феми? Она ничего не могла придумать. Пошли к мэру. Он обещал, что сделает поблажку и разрешит хоронить старика на другой день. Доктор, к которому тоже ходили, согласился, из уважения к дядюшке Шико, пометить задним числом свидетельство о смерти. Муж и жена вернулись успокоенные.

Они легли и уснули, как накануне, и их звучный храп присоединился к слабеющему дыханию старика.

Когда они проснулись, он был все еще жив.

Тут они совсем растерялись. Они стояли у изголовья кровати, глядя на старика подозрительно, словно он собирался сыграть над ними скверную шутку, надуть их, досадить им ради собственного удовольствия, а больше всего их сердило то, что из-за него потеряно даром столько времени.

Зять спросил:

– Как же теперь быть?

Она тоже не знала, как поступить, и ответила:

– Вот беда какая, право!

Теперь уже нельзя было известить приглашенных, которые должны были прийти с минуты на минуту. Решили подождать их и объяснить, как это получилось.

Без десяти семь явились первые гости. Женщины в черном,

покрытые большими платками, подходили с печальным видом. Мужчины чувствовали себя точно связанными в суконных куртках, но держались проще и шли попарно, толкуя о делах.

Дядя Шико с женой растерянно встречали их, убитые горем, и, подойдя к первой группе, вдруг начали оба плакаться. Они объясняли, что случилось, рассказывали о своем затруднительном положении, предлагали гостям стулья, хлопотали, извинялись, из кожи лезли, доказывая, что на их месте всякий бы так поступил, и говорили без умолку, не давая никому вставить слово.

Они переходили от одного гостя к другому.

— Мы и сами никак не думали, что он столько протянет. Просто не поверишь!

Гости, поняв, что церемония не состоится, озадаченные, разочарованные в своих ожиданиях, не знали, что им делать, и расселись, где пришлось. Некоторые собрались уже уходить. Но дядя Шико удержал их:

— Мы все-таки заморим червячка. Напекли пышек, так не пропадать же им.

Лица гостей просветлели при этих словах. Послышался негромкий говор. Двор понемногу заполнялся народом; прибывшие первыми сообщали новость остальным. Гости перешептывались. Узнав, что будут пышки, все оживились.

Женщины входили посмотреть на умирающего. Подойдя к постели, они крестились и, пробормотав молитву, уходили. Мужчины, менее падкие на такие зрелища, только заглядывали в окно, которое было теперь открыто.

Тетушка Шико объясняла:

— Вот уже два дня так, ни назад, ни вперед, ни хуже, ни лучше. Хрипит, будто насос без воды.

После того как поглядели на умирающего, пора было и закусить. Но кухня не могла вместить всех сразу, и потому стол вынесли во двор и поставили перед дверью. Четыре дюжины пышек, румяных и аппетитных, привлекали все взоры, покоясь на двух больших блюдах. Каждый торопился протянуть руку за пышкой, боясь, что на его долю не хватит. Однако четыре штуки даже остались.

Дядюшка Шико говорил с полным ртом:

— Если б он нас видел, папаша-то, вот бы расстроился. При

жизни охотник был до пышек.

Толстый шутник-крестьянин отозвался:

– Ну, теперь уж он больше не попробует пышек. Каждому свой черед.

Это замечание ничуть не опечалило гостей, а, наоборот, развеселило. Теперь был их черед есть пышки.

Тетушка Шико, огорченная большими расходами, то и дело бегала в погреб за сидром. Кувшины быстро пустели. Все смеялись, говор стал громче, поднялся даже крик, как бывает на пирушках. Вдруг старуха-крестьянка, которая осталась около умирающего из жадного любопытства и страха перед тем, что вскоре предстояло ей самой, высунулась из окна и пронзительно закричала:

– Помер! Помер!

Все замолчали. Женщины быстро встали из-за стола и побежали смотреть.

И в самом деле, старик умер. Он перестал хрипеть. Мужчины переглядывались и опускали глаза, чувствуя себя неловко. Ведь еще и пышки не успели доестъ. Вот уж нашел время, нечего сказать.

Супруги Шико больше не плакались. Все было кончено, и они успокоились. Они твердили:

– Мы так и знали, что это недолго протянется. А если бы он помер нынче ночью, никакого бы и беспокойства не было.

Ну да все равно, теперь кончено. Похоронят его в понедельник, вот и все, и опять будут есть пышки – ради такого случая.

Гости ушли, разговаривая о совершившемся событии, довольные тем, что присутствовали при нем и заморили червячка.

А когда муж с женой остались одни, с глазу на глаз, жена сказала, озабоченно морща лоб:

– Опять придется печь четыре дюжины пышек! Не мог уж помереть нынче ночью!

Муж, покорный судьбе, ответил:

– Ну что ж, ведь это не каждый день бывает.

* * *

Напечатано в «Голуа» 6 января 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП
«Аурика», 1994

Перевод Н.Дарузес. Некаýalar